

УДК 327:339.54(470)(575.2)

© А. Д. Собынин, В. М. Мисник, 2007

РОССИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ КИРГИЗИИ

Собынин А. Д. – эксперт Ассоциации приграничного сотрудничества (Москва); *Мисник В. М.* – эксперт Ассоциации приграничного сотрудничества (Санкт-Петербург)

Статья посвящена анализу постсоветского пространства и места России в нем. Современная ситуация в Средней Азии предполагает и допускает активное участие России в политических процессах на этой территории. При этом каждый просчет оборачивается вытеснением ее, ослаблением позиции России как лидера постсоветской территории.

The article is devoted to the analysis of the post-Soviet area and the place of Russia in it. The present situation in the Middle Asia presupposes and admits an active participation of Russia in the political processes on the territory. But any error turns into displacing and weakening the position of Russia as the leader of the post-Soviet territory.

31 августа Республика Кыргызстан отметила 16-ю годовщину независимости. Киргизия в настоящее время, пожалуй, одно из самых независимых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. В том самом смысле анекдота про неуловимого Джо, который действительно неуловим, ибо никому не нужен. Страна обрела реальную независимость – трудно найти какой-либо международный процесс, который реально зависит от современной Республики Кыргызстан. За исключением лишь одного – именно от Киргизии зависит будущее развитие всех среднеазиатских стран СНГ. Будущее богатейшего Казахстана и густонаселенного Узбекистана зависит в первую очередь не от денег и инвестиций, а от воды. Вода – в горах Киргизии.

По очень многим показателям – от валового внутреннего продукта до места национальной футбольной сборной в рейтинге ФИФА – страна уверенно располагается во второй сотне стран мира. Это вполне традиционно – и в советское время маленькая Киргизия вместе с двумя дру-

гими горными республиками – Таджикистаном и Арменией – делила 1–3-е места в любой советской статистической таблице. Естественно, 1–3-е места с конца таблиц.

Быть маленьким – не преступление, наоборот, как говорится, *small is beautiful*, «малое – прекрасно». Но Киргизия в этой своей малости оказалась на каком-то уж совсем среднем пути, тише воды и ниже травы. Не имея возможностей претендовать на региональное лидерство, как Казахстан и Узбекистан, избежав ужасов гражданской войны, как в Таджикистане, или изоляционистской тирании, как в Туркмении, Киргизия вот уже шестнадцать лет пытается быть замеченной, пытается найти свою роль в Средней Азии и в мире. Хотя и сегодня об этой роли сказать что-либо определенное так же трудно, как и в 1991 г. При Аскаре Акаеве о стране говорили как о самой демократической в СНГ, в рыночном отношении – первой вступившей в ВТО. И сейчас Киргизия в социологических опросах в России по доле симпатий идет сразу за Казахстаном и Белоруссией. Можно сказать – просто хорошая страна. Вот только «хороший человек – не профессия».

Попытаемся ответить на два вопроса. Первый – какие варианты развития возможны и почему они не осуществляются, а второй, менее очевидный, но, в сущности, более важный – на какие средства ухитряется выживать «страна без профессии».

Киргизская Советская Социалистическая Республика не нуждалась в каких-то отдельных экономических стратегиях. Планы ее развития всегда вписывались в более масштабные региональные и всесоюзные проекты. Все крупные предприятия Киргизии были практически стопроцентно «экспортно ориентированными», не исключая и гидроэнергетику, которая должна была стать одной из основных специализаций во всесоюзном разделении труда. Как образно выразился еще в 1980-е гг. один наш знакомый специалист-гидроэнергетик: «Электричество производит Киргизия, но рубильник-то у Узбекистана». Были отрасли, в которых республика вполне могла быть самодостаточной, например сельское хозяйство, но никто не пытался к этому стремиться: зачем, если дешевле и лучше специализироваться, а недостающее – привозить? Население, впрочем, об этом не задумывалось: его жизненный уровень в 1960–80-е гг. ощутимо рос, строилось жилье, общественные здания и дороги. Зримым образом относительного благополучия последних советских лет стало монументальное семиэтажное здание Дома правительства в Бишкеке, которое успели достроить уже в перестройку и которое с тех пор никто не называет иначе чем «Белым домом». Несколько хуже жили на аграрном юге, но и там советские времена вспоминают как времена жизненного благополучия.

Конечно, всегда находились недовольные и всегда находилось, чем быть недовольным, но никакой серьезной оппозиции существующему порядку вещей не было и уж тем более не было никаких планов по изменению этого порядка. Поэтому, когда в одночасье порядок вещей изменился и Киргизия оказалась окружена со всех сторон государственными границами, в стране вряд ли нашлось хоть одно предприятие, которое могло нормально работать, опираясь только на национальные ресурсы. Собственно, именно это и случилось практически сразу – предприятия работать перестали, и не будет сильным преувеличением сказать: «Остановилось всё и остановились все». Начиная с производства компьютеров для космических аппаратов в Бишкеке и производства торпед, которые испытывали на Иссык-Куле, и заканчивая крупными предприятиями легкой и пищевой промышленности. Разве что воды перегороженного Нарына продолжали исправно крутить турбины, в которых по не зависящим от политики законам физики генерировался электрический ток, растекавшийся по проводам везде, где их успели протянуть. То есть собрать хоть какие-то хозяйственные цепочки из оказавшихся на территории страны производств, что иногда удавалось в Украине и Казахстане, в странах покрупнее, здесь получиться не могло.

Поэтому Киргизия, обладавшая неплохим промышленным потенциалом, стала обладательницей, пожалуй, самых обширных в СНГ мастерских по изготовлению ключей, оснащенных порой наисовременнейшим, а порой уже сильно устаревшим оборудованием. Несколько лет республика была лидером среди стран СНГ по экспорту лома цветных металлов – через дырявую киргизско-китайскую границу непрерывно шли грузовики с ломом черных и цветных металлов, большей частью груз в этих грузовых фурах принадлежал российским, казахским и узбекским владельцам. Путь самодостаточного промышленного развития оказался перекрытым, но имелся значительный задел промышленного оборудования, площадей и кадров, который в принципе можно было – пусть со значительными потерями – конвертировать в новые производства, приспособленные к сбыту на местных и ближних рынках. Отчасти так и произошло, и не только с изготовлением ключей – особенно заметны успехи в швейной промышленности, которая выдерживает конкуренцию с китайской и даже может себе позволить подделывать китайские марки. Но если посмотреть, например, на промышленные площади, то становится очевидным, что новые производства всегда занимают лишь какую-то меньшую долю старых. Нередки случаи, когда производство уже невозможно восстановить даже при серьезных инвестициях, как это, скажем, произошло с Ошским шелкокомбинатом (АО «Ош-Жибек»). Российский собственник предприятия, предприниматель

Тельман Фероян просто вывез более или менее исправное оборудование шелкокомбината к себе в Иваново. Сейчас в огромных корпусах расположились арендаторы-торговцы, но заполнить обширные площади комбината никакие арендаторы не смогут.

Впрочем, это совсем не удивительно, удивительно другое: при огромном количестве проданного на металлолом в Китай оборудования, при очень значительной утечке кадров из-за отъезда русскоязычных в Россию все еще сохраняются «законсервированные» производства, представляющие интерес для инвесторов. В качестве примера можно назвать завод по производству кремния «Кристалл» в южнокиргизском Таш-Кумыре.

ГАО «Кристалл» – уникальное предприятие, которое должно было обеспечивать кремнием для интегральных схем весь СССР и которое так и не успели тогда запустить. Хотя вот уже шестнадцать лет строгой инвентаризации там не было, но значительная часть оборудования сохранена. Сохранились и достаточно сильные кадры. Так, академик Национальной академии наук КР Турсунбек Клычбаев в свое время работал вместе с российским нобелевским лауреатом, одним из основоположников квантовой электроники Александром Прохоровым.

Академик Прохоров работал над созданием уникальнейшей технологии замкнутого цикла производства поликристаллического кремния на территории города Сосновый Бор Ленинградской области. Мультинациональный проект «Балтийская Кремниевая Долина» был ориентирован на использование сырья Таш-Кумырского предприятия. Предполагалось, что Таш-Кумыр будет производить ежегодно от 300 до 500 т поликремния, а в Сосновом Бору производились бы системы солнечной энергетики производительностью 1 ГВт/год. Россия смогла бы потеснить с этого рынка нынешние США, Японию, Германию, заняв свою долю мировой солнечной энергетики. Увы, прорыва не произошло. Российский министр по атомной энергии Евгений Адамов, противоестественно связанный с интересами американской экономики, загубил «Балтийскую Кремниевую Долину», объявив, что приоритетным для России должна стать Кремниевая долина в Красноярском крае, в г. Железногорске. Чуда в Железногорске не произошло, а нобелевский лауреат не выдержал гибели своего детища и в 2002 г. умер. Смерть академика Прохорова привела к тому, что иностранные инвесторы, в первую очередь шейхи из Омана, отказались от проекта.

Однако времена изменились: и атомная промышленность, и тесно связанная с закрытыми «атомными» городами солнечная кремниевая энергетика сейчас снова пользуются приоритетной поддержкой в России, Казахстане и других государствах СНГ. Напомним, что в Сосновом

Бору находятся Ленинградская АЭС, ОАО «Сосновоборский проектно-исследовательский институт «Всероссийский проектный и научно-исследовательский институт комплексной энергетической технологии» и целый ряд других НИИ. Так что Таш-Кумыр, похоже, дождет своей новой жизни. Как всегда, более активными оказались казахские инвесторы – в июле 2007 г. казахи заявили, что будут строить в Таш-Кумыре производство «сплава ферросиликоалюминия, который разработан и впервые в мире выпущен в Казахстане». Проект одновременно загрузит работой коллектив «Кристалла» и даст работу строителям в ходе реконструкции Учкурганской ГЭС.

Если промышленность все еще сохраняет остатки былого потенциала и интересные перспективы для развития, то сельское хозяйство весьма редко получает публичное внимание, хотя потенциал страны в этой сфере достаточно высок. Проблема в том, что Кыргызстан оказывается в стандартном для развивающихся стран и незавидном для сельхозпроизводителей положении: ближайшие соседи скорее конкуренты, чем рынки, а страны «золотого миллиарда» защищаются как субсидиями собственным фермерам, так и ворохом нормативных требований к поставляемой сельхозпродукции. Кроме того, хозяйствующих субъектов здесь традиционно очень много и они мелкие, а необходимость при любых действиях договариваться напрямую с массой людей предполагает такую степень компетентности и открытости, которую редко удается достичь руководству и более успешных, чем Киргизия, стран.

Хотя есть и успешные примеры, в частности, принадлежащая братьям Таабылды и Жумадылу Энембердиевым компания «Шоро» (кумыс, максым, шоро, жарма, бозо и другие традиционные напитки). «Шоро» прорвалась туда, куда не смогли прорваться производители кумыса из Башкортостана и Татарстана, – в магазины Москвы и Санкт-Петербурга. Большая часть продаваемых в Москве и производимых в Ивановской, Ярославской, Владимирской и других близких к Москве регионах напитков «кумыс» не являются реальным молоком кобылиц – на деле (и это честно отображено мелким шрифтом на этикетках) это айран из коровьего молока, но заквашенного на закваске реального кумыса. Разница между кумысным напитком из айрана и настоящим кумысом «Шоро» – в цене, последний стоит в несколько раз больше.

Сильные финансовые позиции занимают, традиционно для СНГ, производители крепкого алкоголя. Хотя большая часть киргизских водок и коньяков не лучшего качества, но есть и серьезные исключения. В первую очередь это нужно сказать о «Шампанвинкомбинате». В прошлом году на XI Международном конкурсе виноградных вин, коньяков (бренди), шампанского, водок и крепких напитков «Золотой Грифон

2006», который проводится каждый год Украинской академией аграрных наук и Национальным институтом винограда и вина «Магарач», именно продукция «Шампанвинкомбината» показала впечатляющий результат – из 49 дегустируемых коньяков золотые медали качества были присуждены, в соответствующих позициях, коньякам «Энесай» (20 лет выдержки), «Эпос» (15 лет выдержки), «Манас» (10 лет выдержки) и «Кыргызстан» (6 лет выдержки). Хорошие водки в Киргизии также есть, но они проигрывают и более качественным украинским водкам и более напористым в продвижении водкам из Казахстана.

Но все же главной заслугой киргизов в сельском хозяйстве можно назвать инициативность и энергичность сельхозпроизводителей – в 1990-е гг. произошло глубокое изменение структуры сельхозпроизводства. Если раньше на аграрном юге упор делался на производство хлопка-сырца и, в меньшей степени, пшеницы, то в 1990–2000-е гг. киргизы освоили более подходящие для горного климата культуры, включая рожь, гречиху и ряд технических культур.

Пока нет возможности позиционировать Киргизию и как серьезного поставщика минерального сырья. Так как страна горная, то ожидать наличия крупных запасов нефти и газа не приходится, тот же Джалалабадский нефтеперерабатывающий завод производит бензин по большей части из узбекской нефти. Памир и Тянь-Шань богаты рудными месторождениями, но их разработка требует серьезных инвестиций в инфраструктуру, цены же на различные металлы на мировом рынке подвержены сильным колебаниям. Это делает разработку таких месторождений довольно рискованной делом, в том числе и с точки зрения экологии. Например, добыча в советское время урана оставила после себя многочисленные хвостохранилища – отвалы пустой, но сохраняющей радиоактивность и/или опасной в химическом отношении породы. Наиболее тяжелая ситуация с экологией на юге Киргизии. Дело в том, что опасные отвалы находятся зачастую вблизи потенциальных селевых сходов или просто вблизи рек бассейна реки Нарын, которая ниже по течению в Узбекистане зовется Сырдарьей. Сырдарья кормит миллионы жителей узбекских, киргизских и одной таджикской областей Ферганской долины. Сложно даже представить последствия возможной экологической катастрофы.

На севере республики с экологией дело также обстоит не лучшим образом. Единственный крупный горнорудный проект, который удалось реализовать за годы независимости – это добыча золота на Кумторе, начавшаяся в 1997 г. «Кумтор голд компани», СП ОАО «Кыргызалтын» и канадской «Камеко корпорейшн». За десять лет добыто свыше 185 т золота, что по стоимости заведомо перекрывает двухмиллиардный внеш-

ний долг страны. Но в результате неравноправных договоренностей с канадской компанией бюджет страны получил минимум из этих денег, так что назвать данный проект успешным довольно трудно. Тем не менее в 2004–2006 гг. к киргизскому золоту, урану, алюминию и другим полезным ископаемым проявили свой интерес такие крупные бизнесмены, как Олег Дерипаска и Виктор Вексельберг. Так что кроме швейцарских и итальянских аферистов в горной добыче республики могут вскоре появиться и более ответственные предприниматели.

Как альтернативу производящим отраслям хозяйства обычно рассматривают развитие сферы услуг и информации. Неудивительно, что в Киргизии, где индустриальное развитие оказалось связанным с советским прошлым, часто и охотно озвучивается идея движения по постиндустриальному сценарию. Тем не менее до практического воплощения все так же далеко, как и в начале независимого пути. Крупные заводы в столичном Бишкеке и южнокиргизских Таш-Кумыре и Майлисае еще не скоро смогут достичь советских объемов производства. Хотя, надо заметить к чести киргизов, цены на Интернет и сотовую связь заметно меньше цен в Казахстане и Узбекистане. Причин этому много, в том числе позиционное противостояние крупнейших телекоммуникационных компаний в Казахстане и слабое развитие современных коммуникаций в Узбекистане, но факт остается фактом. Да и на душу населения Интернет в Киргизии развит лучше всех среднеазиатских стран, включая Казахстан, и это также говорит о потенциале горной республики. Как это ни странно, но если брать относительные показатели, то Киргизия оказывается в региональных лидерах по многим из них, хотя в абсолютных цифрах ей трудно тягаться с большим Казахстаном. Развитие мобильной связи, Интернета – все это достойно смотрится на фоне соседей, да и потребности местного бизнеса в программных продуктах самого разного уровня легко и качественно удовлетворяются местными же программными компаниями. Киргизские программисты вполне востребованы и за рубежом, хотя количественно оценить размах аутсорсинговых услуг затруднительно: неощутимость виртуального мира для государственных мужей в полной мере используется и для того, чтобы лишний раз не привлекать их внимание к финансовой стороне дела. Конечно, позиционирование Киргизии как IT-лидера, который в состоянии составить конкуренцию Индии и России по качеству аутсорсинга – пусть и не замахиваясь на сопоставимые объемы, – было бы выгодным для местных программистов, но вопросы непосредственного выживания в неблагоприятной административно-хозяйственной среде пока не позволяют об этом говорить. Характерный пример: многие ведущие местные разработчики программного обеспечения просто не указывают на титульных страницах

своих сайтов, что находятся в Бишкеке. Целый ряд наших знакомых бишкекских и ошских программистов, продолжая жить в Киргизии, перешли на работу в российские и казахстанские компании.

Интересная ситуация за прошедшие 16 лет независимости сложилась в части транзитного железнодорожного развития Киргизии. В советское время горные Киргизия и Таджикистан были полными тупиками в транспортном отношении. Исторические караванные пути в Иран, через Кашмир в Индию и через Кашгар в Китай СССР держал на надежном замке. Естественно, что уже в 1991–1992 гг. стал обсуждаться проект Киргизско-Китайской железной дороги (ККЖД) по самому краткому из четырех основных веток Шелкового пути маршруту – через Кашгар и Ферганскую долину. В 2000 г. китайцы дотянули железную дорогу в Синьцзян-Уйгурском автономном районе до Кашгара. В СУАР столица находится на востоке – Урумчи, там живут уйгуры и казахи, а Кашгар является крупнейшим городом на западе, и там живут узбеки, киргизы и таджики. Кашгар, соответственно, всегда был тесно связан с Ферганской долиной.

Нетерпеливые киргизы, что называется, потеряли голову от ожидаемого золотого инвестиционного дождя из Китая: выбран не кратчайший южный путь, через перевал Иркештам выводящий к Ошу, а северный, через перевал Торугарт и Нарын и далее на север страны. Жогорку Кенеш, киргизский парламент, 5 февраля 2001 г. принял закон «О приоритете проекта строительства железнодорожной линии Балыкчы-Джалал-Абад-Торугарт с выходом в Китай». Китай, где в прессе дорогу упорно называют Китайско-Узбекской дорогой, передумал инвестировать в строительство ККЖД. Как всегда в медлительной Киргизии, в надежде на международные займы подтянулись более активные представители казахстанских бизнес-структур. Они правильно поняли, что именно несколько лет изучали в республике эксперты-транспортники из Федеративной Республики Германии, и в 2004 г. было создано киргизско-немецко-казахское СП «Магистраль-Инвест». Это СП также не преуспело с поиском инвестиций в ККЖД.

На фоне активности китайцев, казахов, немцев в части транзитного развития встает вопрос политического и экономического присутствия России и США в регионе Средней и Центральной Азии. Мы бы даже рискнули более точно выразиться – военно-политического присутствия этих двух стран и их геэкономических и геополитических интересов в регионе. Поясним данный тезис на примере железнодорожного, автомобильного и авиационного транспорта.

Китайцы даже не сомневаются, что ККЖД должна быть узкоколейной, т. е. ширина колеи 1 435 мм. Исторически железные дороги с колеей 1 067 мм строились по преимуществу в странах, находившихся под влия-

нием Англии, а также в Японии и большинстве стран Африки. В Индии дороги с самой широкой колеей в мире – 1 676 мм. В странах Евросоюза и Китае используется узкий («стефенсоновский») стандарт – 1 435 мм. Россия и те немногие страны, где она присутствовала не только экономически, развивала стандарт 1 520 мм. Причин такому разнообразию стандартов много, но выделим главную – в случае масштабной войны различия колеи железных дорог не позволяли супостату-агрессору осуществлять быструю переброску войск и быстрое хозяйственное освоение оккупированных территорий. Не будем гадать, работают ли эти соображения в настоящее глобализированное время перемен, но отметим, что Китай уже настаивает на узкой колее не только в Киргизии, но и в Казахстане – Трансказахстанская железная дорога из Синьцзяна к Каспию должна строиться, по мнению китайцев, стандарта 1 435 мм. Быстро набирающая экспансионистскую мощь Россия отвечает адекватно – международный форум «Стратегическое партнерство 1520» возглавляет сам Владимир Якунин, президент ОАО «Российские железные дороги» и близкий политический соратник президента Владимира Путина.

Ситуация с автодорогами в Киргизии аналогичная. По проектам ЭСКАТО ООН (Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана, штаб-квартира в Бангкоке) были построены с нуля хорошие автодорожные полотна из Китая и Пакистана через Киргизию в Узбекистан. Есть готовность пакистанских, китайских и других азиатских инвесторов вложиться и в строительство дорог через Киргизию в Таджикистан. Однако это в настоящее время противоречило бы интересам одновременно, пусть и по разным причинам, и России, и США. Так что грузовые фуры с контейнерами из пакистанских портов Гвадар и Карачи, с грузами из Китая пока в Узбекистан не идут, трафик через границу в основном отражает приграничную торговлю. По одному из лучших в Средней Азии аэропорту «Манас» ситуация еще хуже. Качество взлетно-посадочной полосы в бишкекском «Манасе» наилучшее, аналогичное качество такой полосы только на аэродроме Мары в нейтральном Туркменистане. Но развивать как авиационный узел (авиахаб) Бишкек нельзя, так как в «Манасе» размещена американская база «Манас» (бывшая база им. Питера Ганси), 376-е авиаэкспедиционное крыло Международной антитеррористической коалиции.

Российский медведь, который при неплохом на сегодня нефтегазовом корме и антизападных настроениях не верит «товарищу волку, который кушает, и не слушает, и слушать не собирается», просто уже не позволит наступать себе на пятки в Киргизии. Кратко напомним позицию начальника Управления президента РФ по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами Модеста Колерова. Коле-

ров в ходе своих поездок в Киргизию уже обозначил желание России обсудить с Киргизией вопрос создания российской военной базы в южнокиргизском Оше (сейчас у России военная авиабаза в северокиргизском Канте и ряд небольших объектов на юге Киргизии и на озере Иссык-Куль). Президент Киргизии Курманбек Бакиев горячо поддержал инициативу Колерова, но после внушительной выволочки срочно прикомандированных инспекторов из Вашингтонского «обкома партии» (госсекретаря и министра обороны США) пошел на попятную.

Тем не менее вопрос, кто первым встанет на стыке Тянь-Шаня и Памира, на стыке гор и Ферганской долины, на стыке транспортных, а значит, военно-стратегических маршрутов, с повестки дня не снят. И это, на наш взгляд, и будет той важнейшей вехой, после которой транспортное развитие Киргизии пойдет быстрыми темпами – со стратегической железнодорожной колесей 1 520 мм, с «Российскими железными дорогами» в проекте ККЖД, с участием крупных российских компаний в организации автоперевозок из Пакистана, Индии и Китая через Киргизию в другие страны.

Отдельно отметим и собственно внутрикиргизское значение российского военного присутствия. Страна в экономическом плане разделена горными хребтами на две независимые части – север тяготеет к Казахстану и Южной Сибири, юг – к Узбекистану и, чуть меньше, к Таджикистану. Единственная автодорога, которая связывает республику воедино, – шоссе Бишкек-Ош – зимой и просто в плохую погоду зачастую закрыта по соображениям безопасности. База в Оше дала бы России доступ и к таджикскому Горному Бадахшану, через знаменитый Памирский тракт. В случае появления базы в Оше Россия будет вынужденно заинтересована в скорейшей достройке современного дорожного покрытия и обустройстве тоннелей на шоссе Бишкек-Ош, так как не сможет себе позволить, чтобы сразу две военные базы – в Таджикистане и Южной Киргизии – зависели бы от политической ситуации в транзитном на сегодня Узбекистане.

Теперь о главном – о судьбе гидроэнергетики в Киргизии. Все годы независимости киргизские политики говорили и говорят о том, что Киргизия богата гидроэнергоресурсами и должна экспортировать электроэнергию. Тех, кто постарше, учили этому на уроках географии СССР, тем, кто помладше, наверное, рассказали те, кто постарше. Сейчас Киргизия обладает крупной электростанцией – Токтогульской ГЭС, с которой связан каскад нарынских ГЭС поменьше. Они более-менее успешно обеспечивают внутренние потребности страны в электричестве, хотя доля «технических потерь» доходит до 40 %. Разумеется, большая часть этой цифры – украденное и, хотя воруют и конечные потребители, самый жирный куш приходится на компании-посредники, которые полу-

чают еще и доход от разницы в тарифах производителя и потребителя. Это в стране понимают, и череда парламентских и судебных расследований это показывает. Важно, однако, другое, то, что две страны в регионе – Киргизия и Таджикистан – имеют чистую питьевую воду и имеют перепад высот для производства электричества на ГЭС, а Казахстан, Узбекистан и Туркмения потребляют воду и электричество. Даже сейчас, когда Казахстан и Узбекистан только набирают темп развития, вопрос с Токтогульской ГЭС встает настолько остро, что, например, президент Ислам Каримов на прошедшем в августе нынешнего года саммите ШОС совершенно недипломатично заявил о необходимости взять под международный контроль киргизскую (бассейн Сырдарьи) и таджикскую (бассейн Амударьи) гидроэнергетику. Не будем перечислять гневные отповеди киргизских энергетиков и политиков на узбекские (и, добавим, казахские) претензии, отметим лишь схожесть с ситуацией с транспортом. Только приход более крупного, чем Казахстан и Узбекистан, старшего партнера в киргизскую энергетику позволит начать урегулирование ситуации. Таким партнером ни Китай, ни США, ни Евросоюз сейчас быть не могут. Здесь так же, как и в транспорте, можно отметить динамику – в 2007 г. интерес к строительству каскада Камбаратинских ГЭС на Нарыне обозначил «Базовый элемент» Олега Дерипаски (визиты топ-менеджеров «Русского алюминия» и «Еп+») и РАО «ЕЭС».

В начале статьи мы отметили, что главный козырь Киргизии – вода. При этом имели в виду не электричество, производимое гидростанциями, а питьевую воду. Тот, кто будет контролировать чистую питьевую воду всей Средней Азии (читай – Таджикистан и Киргизию), тот и окончит идущую сейчас в регионе новую Большую игру, преемственную прежней Большой игре Российской и Британской империй на рубеже XIX и XX в. А именно чистая вода, а не ресурсы, электричество или экономическая мощь и станет определяющей для всех среднеазиатских стран СНГ уже в ближайшие 5–15 лет. Вода – элемент военно-стратегической и геоэкономической игры еще более важный, чем транспортные артерии или горнорудные проекты. Никаких рыночных отношений там не будет, а будет очень даже жесткая стратегическая игра.

Подводя итог, можно сказать, что за все годы независимости Республике Кыргызстан не удалось ответить ни на один из вызовов, свалившихся на нее вместе со свободой, не удалось найти свой путь в региональном и международном разделении труда, поставить перед своим многонациональным народом ясно достижимые цели. Следует ли из этого нередко провозглашаемый вывод, что «нормальной» страны из Киргизии не получилось и не получится? Конечно, нет, и, надеемся, в какой-то мере нам это удалось показать. И видна действительно серьез-

ная региональная «специализация» Киргизии – будучи самой маленькой, двигаться к позиции остающегося маленьким, но становящегося ключевым игрока. Пусть и игрока в составе российской команды.

Еще пару лет назад в троллейбусах Бишкека продавали советские билетки. Те самые – «гортранспорт, на одну поездку, 5 коп., без компостера недействителен», хотя стоили они уже, конечно, 3 сома (около 8 центов). Можно посмеяться над этим и сказать: «Как эти дикари застряли в прошлом!» А можно задуматься, что кто-то ведь 15 лет сохранял этот нехитрый запас бумаги, берег его во всех смыслах этого слова. В администрации президента России, в федеральных министерствах киргизов гораздо больше (естественно, речь идет либо об этнических киргизах, либо о бывших киргизстанцах – но всегда о гражданах РФ), чем, например, казахов. Можно сказать, что «киргизам некуда деваться», а можно обратить внимание, какие огромные квоты на рабочую силу из Киргизии выделяет Федеральная миграционная служба России, как быстро киргизстанцы обретают российское гражданство и в отношении граждан Казахстана, Киргизии и Белоруссии действует упрощенная процедура принятия гражданства РФ. Киргизы не боятся работы, не боятся смены деятельности или места жительства, готовы учиться и принимать чужие правила поведения. То, что страна жива, что люди в ней очень многому научились за эти годы, что выросло целое поколение, которое уже не помнит СССР, но хочет расти в своей стране и при этом вместе с братской Россией, означает, что этот рост готов начаться в любой момент, что время еще не упущено безвозвратно.

Когда говорят о влиятельных киргизстанцах-россиянах, обычно упоминают полковника ФСБ РФ Бахтияра Алиева, который был советником секретаря Совета безопасности России при нынешнем вице-премьере Сергее Иванове, а сейчас работает сотрудником администрации президента России, в управлении внешней политики Сергея Приходько. Он выходец из известной в республике семье – именем его деда Эргеша Алиева названа в 2000 г. Бишкекская Высшая школа МВД КР. Бахтияра Алиева упорно в 2004–2007 гг. называли «российским ставленником на пост президента Кыргызской Республики», хотя, по нашим сведениям, это совершенно не так и Алиев не мыслит себя вне России. Хотя ни интеллекта, ни деловых качеств, ни служебной и личной репутации ему не занимать. Но все же в качестве человека, который по-настоящему демонстрирует динамичный, подвижный и, добавим, оптимистичный настрой киргизстанцев, мы бы указали совершенно другого человека – космонавта Салижана Шарипова.

Жизнь и деятельность Салижана Шарипова – это яркий и вполне типичный путь современного киргизстанца – работать, где можно и

нужно, с теми, кому доверяешь и кого понимаешь. Быть героем родной Киргизии и героем родной России.